

Глава 1

ЖЕНЯ

— Шмелев, будьте добры, занимайте свое место чуть быстрее.

Наш социолог предельно сдержан и вежлив, как обычно. Я же фыркаю и демонстративно громко защелкиваю кольца на блокноте. Придурок Ярослав всегда опаздывает. Ненавижу таких, если честно. Сами не учатся и другим не дают.

Так. Не отвлекаться. Концентрируюсь на своих строчках. Стучу по парте красной ручкой, потом почти бездумно подчеркиваю определение. Черт! Шмелев сбил, сволоочь. Он еще и громко усаживается за парту, скидывает рюкзак на пол, «отбивает пять» своему другу.

Заправляю за уши волосы, машинально смотрю на светлые концы. Я покрасилась только позавчера и к новому цвету еще не привыкла. Нет. Не о том думаю. Итак, социология.

— Из этого определения непосредственно вытекает, что каждая дружба — уникальна, поскольку определяется набором связей, их крепостью и значимостью, — тем временем продолжает Вячеслав Анатольевич, и я с готовностью кидаюсь конспектировать.

— А попроще нельзя? — развязно интересуется Ярик.

Я раздраженно выдыхаю, потому что ненавижу, когда перебивают. Но дурацкому Шмелеву закон не писан. Наш же социолог отвечает обманчиво доброжелательной улыбкой. Перекидывает длинный темный хвост с одного плеча на другое, поправляет очки:



— Ярослав, вы на мои пары приходите просто поспорить? Еще раз напомню, я допускаю разговоры с места, только когда они касаются темы занятия.

— А это разве не касается темы?

Социолог игнорирует выпад и продолжает:

— Если мы обратимся к словарю, то увидим, что дружба определяется там как личные устойчивые отношения между людьми на основе симпатии, уважения, общих интересов, духовной близости, взаимной привязанности и понимания.

— А что насчет дружбы между мужчиной и женщиной? — снова подает голос Шмелев.

Выразительно закатывая глаза, глядя на подругу рядом. Алина понимающе улыбается.

— Ты заткнешься, может быть? — шиплю я, оборачиваясь.

— Гольцман, ты за ручками своими разноцветными следи, — хмыкает этот идиот, — вдруг закончатся, и ты конспект подчеркнуть не сможешь.

— Ярик, ты дебил просто высшего уровня.

Вячеслав Анатольевич резко опускает ладонь на стол:

— Гольцман, Шмелев, вы по-хорошему не понимаете?

Я моментально краснею от стыда, а Ярослав нахально сообщает:

— Так мы опять по теме. Вот с Евгенией я бы дружить точно не стал.

Социолог почему-то улыбается себе в усы, снова поправляет длинный хвост и спрашивает:

— Почему же?

— Ну, вы сказали, что дружба основана на симпатии. А тощая Гольцман мне вообще не нравится.

— Идиот! — бросаю я хмуро, но на самом деле испытываю глубокое удовлетворение. Тощая. Мне нравится это слово. Почти как «стройная». И уж гораздо лучше многих других.

— Ярослав, вы очень буквально восприняли определение. Хоть мне и приятно, что вы все-таки меня слушаете. Вот у вас есть друг, верно? Ктитарев.



— Ну есть, — нехотя отвечает Шмелев, будто сдается, а я торжествую и лезу в пенал за зеленой ручкой.

— Значит, у вас к нему симпатия. Как к человеку. С этим вы спорить не будете?

— Ну.

— Соответственно, мы можем говорить о симпатии как о чувстве, которое возникает не только к девушкам с формами, так?

— Допустим. Но к Гольцман у меня симпатии как к человеку, — выделяет он интонацией, — нет.

Я прикладываю ладони к пылающим щекам. Кому я вообще не стремлюсь понравиться, так это ему. Самый раздражающий персонаж во всей группе, и к тому же вечно меня цепляет. Но такое хамство все равно расстраивает.

— А вы достаточно с ней общались? Потому что в отличие от поверхностного приятельства, дружба — отношение глубокое и интимное, предполагающее не только верность и взаимопомощь, но и внутреннюю близость, открытость, доверие, любовь, если хотите. Думаете, подобные отношения могут родиться просто так?

Не сдерживаюсь и язвительно говорю препода:

— Шмелев просто не из тех, кто в состоянии общаться с девушкой дольше недели.

— Да потому что это противоестественно! — вскидывается Ярик.

— Что? Разговаривать?

Мы разворачиваемся друг к другу и сцепляемся раздраженными взглядами. Социолог же замолкает и наблюдает за нами, как за неведомыми зверушками. Всегда так делает, когда его занимает беседа между учениками. Он позволяет нам говорить с места и даже спорить, когда это касается темы занятия. Кажется, Вячеслава Анатольевича даже забавляет то, как мы распалеемся.

— Нет. Дружить с тобой. Или, окей, с любой другой девушкой.

— Это еще почему?



— Ты вроде отличница, а слушаешь плохо. Тебе сказали — дружба основана на любви.

Я указываю на него зеленой ручкой:

— Ты не в курсе, что любовь бывает разная? Матери к ребенку, например. Друзья тоже могут любить друга друга, — я подыскиваю слово, — ну, как родственники.

Шмелев складывает руки на груди и кривит губы:

— Мужчина и женщина не могут любить друг друга как родственники.

— А брат с сестрой?

— Да чего ты пристала к семейным отношениям? Рандомные разнополюе люди не могут дружить!

— Могут! Вот мы с Долиным дружим.

Тут Ярик смеется:

— Да твой Долин тебя хочет, сто пудов!

— Ты просто узколобый дебил, — выдаю почти злобно, потому что взбешена до предела.

Здесь, наконец, оживает препода:

— Гольцман, Шмелев, вынужден вас остановить. Диалог был интересным, но взаимные оскорбления меня уже не вдохновляют. Но у меня есть предложение.

— Какое? — пытаюсь переключиться с тупого одноклассника обратно на учебу.

— Сделаете проект, — говорит социолог, — вместе. Утвердим тему и основные тезисы. Проведете исследование. Если сдадите достойную работу, получите автомат за экзамен.

Цветная ручка замирает в воздухе:

— Какой еще проект?

— О разнополюй дружбе.

— Но вы же никому не ставите автомат.

— А вам поставлю.

— А если не сделаем? — лениво интересуется Ярик.

— Двойка за экзамен, и отправляетесь на пересдачу.

От возмущения я даже дышать перестаю. Алина аккуратно берет меня за кисть, все еще висящую в воздухе, и опускает мою руку на стол. Двойка. Нормально? Мне — двой-



ку! У меня четверки нет ни одной! Пересдача! Да я слова такого не знаю!

Но в том, что Вячеслав Анатольевич именно так и поступит, сомневаться не приходится. Когда преподаешь гуманитарный предмет в IT-колледже, это, видимо, обязывает к излишней принципиальности. Он вечно стремится доказать серьезность своей науки.

Слышу, как сзади тяжело вздыхает Шмелев. Шепчет другу:

— Меня отец на хрен убьет.

Ктитарев хмыкает:

— Да я в курсе. Так соглашайся, чего ты артачишься?

— С ней?

— Да какая тебе разница?

Шмелев снова тяжело вздыхает. Придурок. Как будто я прямо хочу с ним работать. Предел всех моих мечтаний!

— Я могу, — начинаю я, но голос хрипнет, и мне приходится откашляться и начать заново, — я могу сделать проект одна?

— Нет, Гольцман, в этом и смысл, чтобы исследование о разнополюсной дружбе проводили девушка и молодой человек.

Я не слабую:

— А я могу взять другого напарника?

— Вы слишком много торгуетесь. Теперь нет. К тому же это прекрасно, что у вас разные взгляды на тему исследования. В споре рождается истина.

Возмущение снова перехватывает мне горло.

— Жень, выдыхай, — Алина наклоняется ко мне и успокаивающе поглаживает по плечу.

— Я согласен, — вдруг говорит Шмелев.

Оборачиваюсь к нему и в немом шоке шарю взглядом по его лицу. Он красивый. И знает об этом. Что делает его характер еще более мерзким. Но черты лица у него, безусловно, как на картинке. Чуть заостренный прямой нос, яркие изогнутые губы, серые глаза со смешинкой. Ямочки на щеках, девчонки по ним просто сходят с ума, я много раз слышала. Он мне улыбается и становится похож на сытого кота. Прищуриваюсь и пытаюсь понять, зачем Яр это делает.

— Да ладно тебе, не хочешь получить автомат? — говорит он. — Нам-то самим не обязательно дружить ради проекта о дружбе, разве нет?

— Ну, — неуверенно начинаю я и почти готова уже признать, что он прав.

Но тут Шмелев все портит. Говорит:

— Давай, Жендос, это не больно.

— Я сто раз просила так меня не называть! — закипаю моментально. — Ты знаешь и все равно каждый раз так делаешь!

— Гольцман, остынь. Давай потерпим друг друга, мне реально нужен этот экзамен, — говорит он внезапно устало.

Я замолкаю, а потом нехотя соглашаюсь:

— Мне тоже.

Алина постукивает меня пальцем по руке:

— Жень, препод.

Я перевожу взгляд на Вячеслава Анатольевича.

— Мы сделаем, — говорю через силу.

— Что ж, вот и чудно. Итак, вернемся к теме. Концепция дружбы появляется еще в Древней Греции...

Я склоняю голову и смотрю в свой идеальный конспект. Я только что согласилась работать со Шмелевым над проектом. У меня что, помутнение рассудка случилось? Очевидно же, что он все испортит. С другой стороны, лучше это, чем пересдача. Меня от одной мысли передергивает.

В конце лекции я собираю ручки в пенал и придерживаю Ярика за плечо, когда он проходит мимо. Тут же отдергиваю руку. Но он остается стоять рядом со мной.

Говорю:

— Задержись, побеседуем.

— О чем? — он нетерпеливо переступает с ноги на ногу.

— Шмелев, — я теряю терпение, — мы с тобой теперь завязаны, нравится тебе или нет. Надо обсудить, как будем делать проект.

— Да ясно как. Ты сделаешь, а я просто примажусь.

От такой наглости я снова немею. Раскрываю рот и удивленно распахиваю глаза. Яр прыскает и со вкусом хохочет:



— Релакс, Жендос. Сделаем все вместе.

— Я же просила не называть меня так!

— Ну, видишь, зато к тебе вернулся дар речи. Ладно, есть идея, Гольцман.

Я недоверчиво смотрю на него исподлобья. Складываю руки на груди. Интересуюсь:

— Какая же?

Шмелев садится на ближайшую парту, взъерошивает темные волосы. Он постоянно зарывается пальцами в свои волосы, и они непослушными вихрами торчат в разные стороны, но выглядят неизменно стильно. Сообщает:

— Теория по большей части будет на тебе, уж извини.

— Не извиняю. Будем делать все пополам. Я за тебя пахать не собираюсь. Понял?

— Гольцман, ты идеалистка, я никогда не сделаю что-то настолько хорошо, чтобы ты была довольна. Тогда какой смысл?

Я раздраженно выдыхаю. Черт дернул социолога дать нам это задание, не иначе. Мы же двух фраз сказать друг другу не можем, чтобы не начать кипеть. Но надо признать, что Ярик прав. Что бы он мне ни прислал, я наверняка буду недовольна и все буду править.

Прикрываю глаза. Пытаюсь взять под контроль эмоции. Снова смотрю в его самодовольное лицо.

Говорю с сарказмом:

— Что по поводу практической части? Или твои идеи закончились на том, что я сделаю всю работу за двоих?

— Нет, — он улыбается, но как-то не очень приятно, — сделаем, как хочет препод. Проведем исследование.

— Какое?

— Пойдешь на свидание со своим Долиным. Проверим, какая у вас дружба.

— Ты вообще не в себе?

— А что? Чем не эксперимент? Очень даже подходит к теме.

Мой голос почти звенит от гнева:

— Оставим даже то, что ты просто придурак и пытаешься меня задеть. Скажи мне, ты слишком тупой, чтобы понять,

что один случай — это слишком мало для исследования? Нужно опросить, скажем, сто человек, чтобы свести статистику.

Шмелев цокает языком:

— Не будь такой душевной. Если мы опросим сто человек, девяносто из них соврут. А тут все чисто. Не подкопаешься.

— Хорошо, — соглашаюсь я, нащупывая в голове смутную идею, — допустим. Я схожу с Долиным на свидание.

— На три, — тут же перебивает Шмелев.

— На три. Чтобы проверить, реально ли у нас дружба или у нее есть другая, — я с трудом подыскиваю слово, — подохла.

— Умница, рад, что ты согласилась.

— Но, — выдаю с большим удовольствием, — ты сам должен будешь подружиться с девушкой.

— Чего?

— Того. Все поровну. Я рискую своей дружбой, а ты рискуешь своим статусом хладнокровного мачо. Я иду на три свидания с другом, а ты три недели общаешься с девушкой. Пытаешься завязать дружеские отношения.

Очень довольная собой, я улыбаюсь. Сейчас он откажется. Не будет Шмелев пытаться подружиться с девчонкой, слишком мерзкий у него характер.

Подтверждая мои догадки, он морщится:

— Это тупо.

— Тупо, что ты хочешь сделать из меня подопытную крысу, а сам выйти сухим из воды, разве нет?

Он замолкает и впивается в меня злым взглядом. Вдыхает. Выдыхает. Я улыбаюсь. Собираюсь снова предложить безболезненный вариант с опросом. Но тут Ярик прищуривается и выдает:

— А договорились. Торгово-рыночные отношения, да?

— Да, — говорю недоверчиво.

Согласился? Быть того не может. Наверное, просто хочет доказать мне свою мифическую правоту. Кажется, я недооценила его упрямство. Черт. Но отступить как будто уже поздно. Я молча поджимаю губы. Славать назад ведь нельзя. Свое упрямство я недооценила тоже.

Шмелев ухмыляется, кажется, понимая, что я на самом деле блефовала:

— Ну, тогда адъез, Гольцман, вроде все порешали.

— Подожди, — я суетливо достаю телефон из рюкзака, — оставь свой номер.

— Зачем? Хочешь меня склеить?

Я устало тру переносицу:

— Просто скажи номер, Яр.

— Найдешь меня в соцсетях.

— Чтобы ты меня там игнорил? А знаешь что? Можешь не говорить. Вали на все четыре стороны, — я распаяюсь и слишком активно машу руками. — Забыл, что я староста? Думаешь, не смогу узнать твой номер?

— Какая же ты дотошная, — почти стонет он, но все же нехотя диктует мне цифры.

Записываю и поднимаю на него взгляд. Ярик смотрит так, как будто я — отвратительное насекомое. Маленькое, неприятное и ничтожное. Но я плевать хотела на его мнение с высокой колокольни. Поэтому улыбаюсь максимально сладко:

— Встретимся завтра после пар в «аквариуме». Набросаем план теории и практики.

— Уже?!

— Шмелев, если ты собираешься сделать все в последний момент, то должен понимать, что я тебе не позволю.

Тогда он молча уходит, и я просто сверлю взглядом его широкую спину в черной футболке. Ничего, я его достану.

Глава 2

ЖЕНЯ

Я убираю в сумку пенал и только тут понимаю, на что в действительности согласилась. Три свидания с Долиным! Зачем? Мы хорошо дружим, и, хоть я уверена в нем и наших отношениях, провоцировать его как-то нечестно. Могу ли я сказать ему об этом? Или это испортит эксперимент?



Застываю, задумавшись. Что важнее? Наша дружба или мой проект? Чувствую неприятное и какое-то лишнее беспокойство. Честно ли так поступить с другом? И что вообще подразумевают под собой эти три свидания? Мы и так проводим много времени вместе. Ходим в кино или зависаем где-нибудь в кафе.

Принимаю решение ничего не делать до завтра. Может быть, Шмелев вообще передумает, я почти уверена, что он непостоянный. Сам не захочет заводить дружбу с девушкой. Для него это вообще противоестественно, судя по тому, что я слышала. Девочки в колледже обсуждают его на каждом углу. В туалетах, в столовой, в коридорах.

В кабинет заглядывает Алина:

— Жень, идешь?

— Да, — отмираю я.

Как робот слеую за подругой, и мы спускаемся в столовую. Там я беру кофе и больше ничего. Склоняюсь над кружкой и дышу. Пахнет очень вкусно. И не только мой напиток. Здесь пахнет едой отовсюду. Аромат висит в воздухе и настойчиво тянется ко мне с соседних столов. Но мне есть нельзя. Пью кофе в надежде, что он обманет мой пустой желудок. Ничего, потерплю. А дома уже делаю себе салат, без тонны масла, как тут в столовке привыкли.

— Жень, ты снова не голодная? — спрашивает Алина, уплетая пирожок с картошкой.

— Не голодная, — подтверждаю я, с трудом сдерживая слюноотделение.

Ничего, стерпится. Зато сила воли вырастет офигеть какая. Но я все же тоскливо провожаю взглядом очередной кусок пирожка, который исчезает во рту моей подруги, непозволительно стройной для такого аппетита. Отвернуться, не думать, переключиться.

Делаю глоток кофе.

— Так что вы там со Шмелевым? Договорились? — интересуется Алина с набитым ртом.

Я морщусь, но вовсе не от отвращения: